

Заключение специалиста по материалам уголовного дела о должностном преступлении

Аминов Давид Исакович
доктор юридических наук, профессор,
профессор Государственного университета управления

Бакрадзе Андрей Анатольевич,
адвокат, доктор юридических наук, доцент,
профессор Государственного университета управления

Авторы статьи высказывают мнение по материалам уголовного дела о должностном преступлении.

Ключевые слова: превышение полномочий, должностное преступление, специалист, уголовное дело.

Conclusion expert on the criminal case materials

Aminov David Isakovich

doctor of juridical sciences, professor,
professor of the State University of Management

Bakradze Andrey Anatolyevich,

doctor of juridical sciences, associate professor,
professor of the State University of Management

The authors express their opinion in a criminal case.

Key words: exceeding his authority, malfeasance in office, a specialist, the criminal case.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

Согласно версии следствия, гражданин Соболев, будучи начальником ФКУ КП-144 УФСИН России по Кургановской области, совершил действия, явно выходящие за пределы его полномочий, то есть повлекшие существенное нарушение прав и законных интересов граждан, организаций и охраняемых законом интересов общества и государства. Как посчитал орган предварительного расследования, Соболев, нарушая правила внутреннего распорядка ФКУ КП-144 УФСИН России по Кургановской области, в период с 3.06.2015 по 5.06.2015 самовольно выводил осужденного Лебедева, отбывавшего наказание в вверенной

ему колонии, с территории указанного исправительного учреждения и доставлял его в квартиру, расположенную по адресу: г. Иваново, ул. Футбольная, д.2, кв. 66, принадлежащую Ивановой Н.Н. Здесь же он незаконно давал указание о производстве ремонтных работ в том числе другим осужденным (Хабибулину, Широкину и Румянцеву). Таким образом, по версии следствия, названным должностным лицом незаконно был использован труд осужденных для производства ремонта квартиры в интересах Ивановой. При этом оплата произведенных названными лицами ремонтных работ производилась по ставке, установленной для должности рабочего по комплексному обслуживанию зданий ФКУ КП-144, то есть в заниженном размере, о чем Соболев достоверно знал. Всего за период с 03.06.2015 по 17.07.2015 Лебедев, Хабибулин, Широкин и Румянцев, по указанию Соболева С.А., произвели ремонтно-восстановительные работы на объекте ООО «Стройтекс», расположенном по адресу: г. Курган, ул. Футбольная дом 102, кв. 66, общей стоимостью 65 247 рублей.

Орган предварительного расследования пришел к выводу о том, что действия Соболева противоречили в том числе общим задачам и требованиям, предъявляемым к государственному аппарату, для достижения которых он был наделен соответствующими должностными полномочиями. Указанное повлекло нарушение конституционного принципа равенства граждан перед законом (ст. 19 Конституции Российской Федерации), принципов уголовно-исполнительного законодательства – законности и равенства осужденных перед законом, выразившиеся в незаконном и необоснованном облегчении условий режима содержания осужденных Румянцева и Широкина, нарушении порядка и условий исполнения и отбывания ими наказаний. А в отношении Лебедева и Хабибулина Соболевым якобы были нарушены конституционные принципы правового регулирования трудовых отношений, выразившиеся в принудительном привлечении к труду названных лиц без оплаты труда.

Таким образом, действия Соболева были квалифицированы по ч. 1 ст. 286 УК РФ (Превышение должностных полномочий), то есть совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан, охраняемых законом интересов общества и государства.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЧАСТЬ

Для детального анализа всех обстоятельств расследуемого в рамках уголовного дела события специалистом был реконструирован весь ход осуществления как доследственной проверки, так и предварительного расследования. Отмеченное было необходимо в целях всесторонней и объективной оценки, с одной стороны, ряда вопросов, касающихся соблюдения требований формальной логики на всех этапах и направлениях данного расследования, а с

другой – допустимости, относимости и достаточности доказательств, полученных по данному уголовному делу в ходе предварительного расследования. В итоге смоделированная специалистом правовая ситуация, вытекающая из содержания материалов уголовного дела, была подвергнута соответствующей экспертной оценке с позиций современных достижений уголовно-правовой науки и сформировавшейся судебной практики.

Таким образом, анализ правовой ситуации, вытекающей из представленных на исследование копий материалов уголовного дела, позволяет сделать вывод об отсутствии в действиях гражданина Соболева не только состава, но и события преступления, ответственность за которое предусмотрена ч. 1 ст. 286 УК РФ (Превышение должностных полномочий).

Данное суждение специалиста базируется на целом ряде обстоятельств, представленных ниже.

I. Исследование показало, что обвинение, предъявленное гражданину Соболеву, построено на целом ряде голословных и бездоказательных утверждений. При этом отсутствие реальных фактов, отражающих противоправный характер в действиях обвиняемого, указывает на отсутствие у органа предварительного расследования единой основополагающей версии, способной контрастно и однозначно раскрыть как характер общественной опасности деяния Соболева, так и механизм его противоправной деятельности. Соответственно, отсутствие реальной вины в инкриминируемом ему преступлении заставляет следствие прибегать к использованию в обвинительном заключении целого ряда витиеватых словесных формулировок, призванных таким образом его вину представить.

Вместе с тем хорошо известно, что в ч.1 ст. 14 УК РФ весьма лаконично, но в то же время достаточно емко, очерчено базовое понятие преступления. Под соответствующей категорией законодатель понимает *виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное Законом под угрозой наказания*.

В упомянутом определении выделяются *четыре*, ставших уже классическими, признака преступления. Соответственно, независимо от вида и формы преступного посягательства, ответственность за которое предусмотрена уголовным законодательством Российской Федерации, оно должно обладать всеми названными признаками. Поэтому не вызывает сомнений утверждение о том, что и превышение должностных полномочий (ч. 1 ст. 286 УК РФ) также не может противоречить общему правилу определения преступлений.

Среди названных признаков особая роль отводится такому базовому и в то же время универсальному критерию, каким является **общественная опасность**. В современной литературе под общественной опасностью понимается объективное свойство деяний, которые не только влекут негативные изменения в социальной действительности, но и нарушают упоряд-

доченность системы общественных отношений. При этом характер общественной опасности позволяет выделить внешнюю форму деяния, наносящего ущерб этим отношениям.

Столь существенное значение общественной опасности как в теории, так и в правоприменительной практике объясняется тем, что названная категория напрямую корреспондирует с таким институциональным понятием, как **событие преступления**. При этом хорошо известно, что отмеченная корреспонденция проявляется весьма наглядно в том, что в юридическом смысле одно без другого не существует. В частности, если в деянии наличествует общественная опасность, то, значит, присутствует и событие преступления. Напротив, отсутствие общественной опасности в деянии исключает и наличие события преступления. Иными словами, в том случае, когда деяние не несет в себе общественную опасность, такое деяние автоматически переходит в разряд иного неуголовно-правового деликта.

Значимость упомянутых критериев напрямую вытекает в том числе и из положений уголовно-процессуального законодательства. Например, это следует из предписаний законодателя, касающихся обстоятельств, подлежащих доказыванию (ст.73 УПК РФ). При этом «пальма первенства» и в этом случае принадлежит именно **событию преступления** (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления). Вместе с тем, речь идет «не о событии вообще», не о событии в общеупотребительном смысле слова, а событию преступления, что не всегда одно и то же. В отдельных случаях событие, по поводу которого возбуждено уголовное дело, имеется, однако события преступления нет. Соответственно, и правовые последствия здесь принципиально иные, нежели при установлении события преступления. Уголовно-процессуальный закон, определяющий обстоятельства, подлежащие доказыванию по делу, понимает событие преступления более узко. Отдельно от «события преступления» говорится о виновности обвиняемого» (п. 2), «характере и размере вреда, причиненного преступлением» (п. 4) и пр.

Представленный достаточно краткий экскурс в сущность базовых понятий и положений уголовного права и процесса весьма важен, так как в очерченном законодателем «фарватере» можно предметно оценить и деяние, инкриминируемое Соболеву, а именно - как превышение должностных полномочий (ч.1 ст. 286 УК РФ). В данном случае необходимо установить, а имел ли место в деянии названного лица такой базовый компонент, каким является общественная опасность. Соответствующая оценка позволяет не только объяснить юридическую природу рассматриваемого деяния, но и, в конечном счете, «пролить свет» на наличие или отсутствие в рассматриваемом случае события преступления.

Как показывает детальный анализ материалов уголовного дела, весь ход рассуждений органа предварительного расследования, представленный в обвинительном заключении, а также тактика расследования деяния, позволяют прийти к выводу о том, что при оценке об-

стоятельств произошедшего следствие, к сожалению, ограничилось сугубо формальными критериями. Игнорирование фактических и объективных аспектов этого дела породило со стороны названного правоохранительного органа не только грубую ошибку в квалификации данного деяния, но и принятие всех последующих незаконных процессуальных решений.

Нельзя не отметить и то, что основной особенностью анализируемых процессуальных документов уголовного дела является сугубо тенденциозный, оторванный от реалий характер изложения событий произошедшего. По сути, вместо объективной оценки названных событий, орган предварительного расследования ограничился перечнем целого ряда нормативных актов, которые якобы были нарушены Соболевым С.А. Однако сопоставление с фактическими обстоятельствами дела не подтверждает выводы, представленные в базовых процессуальных документах, обосновывающих виновность привлекаемого к уголовной ответственности лица.

II. Квалификация деяний, предусмотренных названной нормой в правоприменительной практике, традиционно вызывает определенные сложности.

Объяснение этому следует искать в оценочном характере ряда признаков указанного деяния, сформулированных в Законе. Очевидно, именно поэтому для устранения названных сложностей высшим судебным органом страны было подготовлено, а затем и опубликовано 30 октября 2009 г. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 N 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий».

В части 18 Постановления учтены пожелания конкретизации оценочного содержания соответствующего признака. По мнению Пленума, по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий **судам рекомендуется**, наряду с другими обстоятельствами дела, **выяснять** и указывать в приговоре, **какие именно права и законные интересы** граждан или организаций либо охраняемые законом интересы общества или государства были нарушены. Обращено также внимание на то, что в приговоре обязательно должно указываться, **находится ли** причиненный этим правам и интересам **вред в причинной связи с** допущенным должностным лицом **нарушением** своих служебных полномочий.

В этом же официальном документе Верховный Суд РФ посчитал необходимым конкретизировать содержание ряда оценочных признаков.

В частности, согласно части 18 Постановления, применительно к данному составу преступления, *под существенным нарушением прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства понимаются последствия, связанные с причинением морального, физического или имущественного вреда*

личности, нарушением конституционных прав гражданина, нарушением нормальной работы предприятия, учреждения, организации, которое привело к длительному перерыву либо приостановлению их деятельности и т.п.

Под нарушением законных интересов граждан или организаций в результате злоупотребления должностными полномочиями или превышением должностных полномочий следует понимать, в частности, создание препятствий в удовлетворении гражданами или организациями своих потребностей, не противоречащих нормам права и общественной нравственности (например, создание должностным лицом препятствий, ограничивающих возможность выбрать в предусмотренных законом случаях по своему усмотрению организацию для сотрудничества).

Согласно части 19 названного Постановления, «...ответственность за превышение должностных полномочий (статья 286 УК РФ) наступает в случае совершения должностным лицом активных действий, явно выходящих за пределы его полномочий, которые повлекли существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, если при этом должностное лицо осознавало, что действует за пределами возложенных на него полномочий».

Представленные выдержки из Пленума являются по своей сути некими навигационными координатами, позволяющими расставить акценты при квалификации деяния, содержащего признаки соответствующего должностного преступления. В частности, высший судебный орган страны обращает внимание на ряд важных аспектов этого деяния, способных взять на себя роль опорных операциональных признаков. Или, иными словами, таким образом по-возможности устранить «двойное» толкование правоприменителем тех или иных признаков при квалификации такого рода деяний. К числу таких признаков Пленум относит:

- 1) активные действия, **явно**¹ выходящие за пределы полномочий должностного лица;
- 2) **нарушение** чьих-то прав и законных интересов;
- 3) **объем полномочий** должностного лица оценивается исходя из положений устава, инструкции или иного нормативного акта, которыми это лицо должно руководствоваться;
- 4) действия лица связаны с осуществлением им **своих** должностных обязанностей.

Кроме отмеченного, в части 19 Постановления приводятся возможные варианты превышения должностных полномочий:

- относятся к полномочиям другого должностного лица (вышестоящего или равного

¹ Явный (т.е. очевидный, существенный, грубый) выход действий лица за пределы предоставленных полномочий - понятие оценочное и устанавливается применительно к конкретным обстоятельствам дела. Но о явности следует говорить в тех случаях, когда превышение является очевидным, бесспорным для самого виновного.

по статусу);

- могут быть совершены только при наличии особых обстоятельств, указанных в законе или подзаконном акте (например, применение оружия в отношении несовершеннолетнего, если его действия не создавали реальной опасности для жизни других лиц);

- совершаются должностным лицом единолично, однако могут быть произведены только коллегиально либо в соответствии с порядком, установленным законом, по согласованию с другим должностным лицом или органом;

- никто и ни при каких обстоятельствах не вправе совершать.

При использовании в качестве некой матрицы указанных разъяснений Пленума облегчается задача и в части правовой оценки действий Соболева С.А. В частности, как показывает анализ материалов уголовного дела, ни одно из положений названного официального документа не находит отражение в деянии упомянутого должностного лица. Напротив, все действия Соболева соотносятся с его должностными обязанностями как начальника ФКУ КП-144 УФСИН России по Кургановской области. Каких бы то ни было явных и даже скрытых действий с его стороны, выходящих за пределы его полномочий, не усматривается.

И наконец, основываясь на положениях Пленума Верховного Суда РФ, следственно-судебной практике и уголовно-правовой доктрине, необходимо обратить внимание на следующий важный аспект квалификации анализируемого деяния. Как известно, ответственность за *превышение должностных полномочий* (ст. 286 УК РФ) традиционно наступает в случае совершения должностным лицом **активных действий**. Вместе с тем, невыплата (недоплата) «достойной», в версии следствия, зарплаты – это бездействие. Соответственно, в данной части оценки правовой ситуации, связанной с деянием, инкриминируемом Соболеву органом предварительного расследования, допущена явная и существенная ошибка.

III. Признаки деяния, ответственность за которое предусмотрена ч.1 ст. 286 УК РФ, перечислены в диспозиции данной нормы: *совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства*.

Обращаясь к конструктивным особенностям ст. 286 УК РФ (Превышение должностных полномочий), следует подчеркнуть, что для установления заградительного барьера случаям, когда вместо действительно виновных в совершении названного общественно опасного преступления привлекаются лица по явно надуманным («сфабрикованным») обвинениям, законодателем предусмотрен важный предохранительный «клапан» - конструкция с материальным составом. Иными словами, особенность конструкции указанного состава преступления предусматривает гарантии того, что уголовная ответственность лица может наступить **не**

за **формальный отход** от каких-либо правил и предписаний, а лишь тогда, когда его действия действительно повлекли наступление **существенного** вреда правам и законным интересам личности, общества или государства. При этом упомянутый вред должен находиться в причинной связи с деянием этого должностного лица. Таким образом, только строго определенный и **существенный** вред (ущерб), при всех иных обязательных условиях предписываемых законодателем, может являться основанием для квалификации по ч.1 ст. 286 УК РФ.

Орган предварительного расследования, применительно к рассматриваемому случаю, для того чтобы хоть как-то восполнить названный пробел (получить формальный повод для уголовного преследования), совершенно безосновательно признал осужденных Лебедева и Хабибулина в качестве потерпевших. Такое суждение специалиста вытекает из анализа положений ч.1 ст. 42 УПК РФ, где отмечается, что потерпевшим может быть признано физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный или моральный вред. Между тем ни одна из разновидностей потенциально возможного вреда или ущерба, предусмотренная законами и подзаконными актами, названным лицам причинена не была. Указанное прямо вытекает, с одной стороны, из положений: п.2 Постановления Правительства РФ от 17.08.2007 № 522 «Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека»; ст. 151 ГК РФ (Компенсация морального вреда) и части 2 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 20.12. 1994 г. №10; п.1 ст. 15 ГК РФ (Возмещение убытков), с другой - материалов уголовного дела. Соответственно, детальный анализ всех обстоятельств дела не дает оснований для выводов о наличии хотя бы одного факта причинения Соболевым физического, морального или материального вреда осужденным. В частности, материалы уголовного дела, отражающие обстоятельства произошедшего, не подтверждают ни нарушений конституционных прав лиц, отбывающих наказание, ни наличие фактов дискредитации действиями Соболева деятельности УФСИН России по Кургановской области и в целом уголовно-исполнительной системы. Кроме отмеченного, не подтверждают материалы уголовного дела факты причинения Соболевым материального вреда названным осужденным.

Вопрос о том, что действия Соболева **не причинили** ни осужденным Лебедеву и Хабибулину, ни иным лицам материального вреда, требует дополнительных пояснений. Изучение материалов уголовного дела показало, что следствием за основу расчетов «материального вреда» осужденным были взяты не объективные данные, а сведения, почерпнутые, прежде всего, из показаний осужденных Лебедева и Хабибулина. При этом названными лицами свой труд на квартире Ивановой, заключившей договор подряда на производство ремонтных работ с ООО «Стройтекс», оценен следующим образом:

- Лебедев свою работу в течении 2,5 дней оценил в 10000 рублей (л.д. 18);

- Хабибулин свою работу в течении 3 дней оценил в 20000 рублей (л.д. 9).

Однако если не брать в рассматриваемом случае во внимание предписания целого ряда законодательных и подзаконных актов, регламентирующих расчеты материального вознаграждения осужденным, то даже обычная житейская логика указывает на то, что кратковременная (в течение 2-3 дней) **оплаченная** работа осужденного уже сама по себе **не может являться существенным** ни улучшением, ни ухудшением его правового положения (улучшением или ухудшением условий содержания осужденного).

В то же время, как следует из предписаний ч.2 и ч.3 ст. 105 УИК РФ, размер оплаты труда осужденных, отработавших полностью определенную на месяц норму рабочего времени и выполнивших установленную для них норму, не может быть ниже установленного минимального размера оплаты труда (МРОТ). При этом оплата труда осужденного, при неполном рабочем дне или неполной рабочей неделе, производится пропорционально отработанному времени.

Аналогичным образом решается вопрос об оплате труда осужденных и согласно Распоряжению ФСИН России от 31.10.2009 № 313-р. Соответственно, основываясь на положениях названного официального документа, оплата труда осужденного устанавливается администрацией исправительного учреждения самостоятельно либо по договору с организацией. При этом заработную плату осужденным необходимо отличать от реальной суммы денежных средств, зачисляемых им на лицевой счет, поскольку из заработной платы, пенсии или иных доходов производятся удержания для возмещения расходов по их содержанию, в которые включается стоимость питания, одежды и коммунально-бытовых услуг.

Труд Лебедева и Хабибулина за июнь-июль 2015 года был оплачен в полном объеме. Отмеченное, в частности, подтверждается справками главного бухгалтера ФКУ КП-144 от 25.11.2015 г. Следовательно, никакого имущественного вреда ни Лебедеву, ни Хабибулину причинено не было.

При этом, как следует из материалов уголовного дела, Соболев не имел никакого отношения к расчетам заработной платы осужденных. Этого пункта нет и в его должностной инструкции, согласно которой ему вменялось бы в обязанности устанавливать размеры выплаты осужденным за произведенную ими работу. Здесь же следует обратить внимание на то, что следствием не было выявлено и процессуальным образом установлено каких-либо мотивов, которыми мог бы руководствоваться Соболев в рассматриваемом случае. Здесь явно отсутствует какая-либо его личная заинтересованность, проливающая свет на мотивы деяния.

О том, что никакого вреда, включая материальный, названным лицам причинено не было вытекает и из их собственной оценки анализируемых событий. В частности, согласно

показаниям Лебедева (л.д. 18) и Хабибулина (л.д. 9), последние признали, что *какого-либо ущерба в рассматриваемом случае им причинено не было*. Факт, что указанные суммы (Лебедев – 10000 рублей; Хабибулин – 20000 рублей) следствием взяты за основу обвинения, предъявленного Соболеву, при столь детальной, как уже отмечалось ранее, регламентации нормативными актами вопросов оплаты труда осужденным, является совершенно абсурдным и не имеющим под собой законных оснований.

Резюмируя сказанное, следует подчеркнуть, что следственными органами не добыты доказательства того, что в анализируемый период осужденные лишились большего заработка, чем тот, который был бы ими получен на территории колонии-поселения.

IV. Орган предварительного расследования усмотрел в действиях Соболева С.А. факт использования принудительного труда осужденных. Соответственно, этот вопрос, как представляется специалисту, также должен быть подвергнут детальному анализу.

Такой анализ показывает, что названный правоохранительный орган совершенно недопустимо, путем подмены понятий, **неверно** истолковал особенности данного юридического института. Об этом, в частности, свидетельствуют ряд извлечений из законодательных актов. Например, в соответствии с ч. 4 ст. 4 Трудового кодекса РФ, *принудительный труд не включает в себя работу, выполняемую вследствие вступившего в законную силу приговора суда под надзором государственных органов, ответственных за соблюдение законодательства при исполнении судебных приговоров*.

Данная выдержка из трудового законодательства прямо указывает на то, что труд осужденных к лишению свободы **принудительным не является**. Напротив, ч.1 ст. 116 УИК РФ предусмотрена дисциплинарная ответственность осужденного за отказ от работы или за прекращение работы без уважительных причин.

Кроме отмеченного, для всесторонней оценки правовой ситуации, послужившей основанием для возбуждения анализируемого уголовного дела, базовым является вопрос о наличии либо отсутствии полномочий у Соболева на использование труда осужденных, причем не только на территории ФКУ КП-144 УФСИН России по Кургановской области, но и за ее пределами. Не меньшую значимость, очевидно, имеет также вопрос об организационно-правовых формах и нормативных основаниях для использования труда осужденных.

Хорошо известно, что вопрос привлечения к труду является не только в числе основополагающих доктринальных принципов исправления и перевоспитания лиц, отбывающих наказание, но и прямо предусматривается целым рядом нормативных актов, регламентирующих работу уголовно-исполнительных учреждений на территории Российской Федерации и вопросы трудовых отношений с лицами, отбывающими наказание (ч. 4 ст. 4, ст. ст. 15, 16 Трудового кодекса РФ; ч. 2 ст. 9, ч. 2 и ч. 4 ст. 10, ст. ст. 11, 12, ч. 9 ст. 16, ч. 1 и ч. 2 ст. 74, ч.

1 ст. 103, ч. 2 ст. 105, ч. 3 ст. 129 УИК РФ; Закон РФ от 21.07.1993 N 5473-1 (ред. от 20.04.2015) «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»; Распоряжение ФСИН России от 31.10.2009 № 3144-р; Устав ФКУ КП-144 УФСИН России по Кургановской области - утвержден приказом ФСИН России от 09.03.2011 № 1444 приложение № 9).

Как можно заметить из представленного перечня нормативных документов, использование труда осужденных является скорее обязанностью, а не правом должностных лиц учреждений, относящихся к системе ФСИН России. При этом, согласно представленной выше нормативной базе, особенностью трудовых отношений, устанавливаемых между учреждениями и осужденными является целый ряд известных ограничений прав этих лиц, обусловленных их правовым статусом. Указанное касается: выбора как характера объекта работы, так и его места расположения, вида выполняемых работ, специальности и специализации по которой осужденный трудится; тарифных ставок оплаты труда; порядка производства удержаний из заработной платы осужденных и пр.

Обращаясь в очередной раз к материалам уголовного дела № 2015490049, следует подчеркнуть, что осужденные Лебедев и Хабибулин не подвергались какому-то принуждению к работе на объекте ООО «Стройтекс» путем каких-либо угроз либо насилия ни со стороны Соболева, ни со стороны других сотрудников администрации колонии-поселения. Следовательно, вывод органа предварительного расследования по данному уголовному делу о принудительном использовании Соболевым С.А. труда осужденных Лебедева и Хабибулина заведомо является неправильным.

Отношения между осужденными и учреждениями, исполняющими наказание в виде лишения свободы, не являются трудовыми отношениями. Согласно содержанию ст.ст. 15,16,20 ТК РФ 14 главы УИК РФ, осужденный не может быть работником, поскольку он выполняет работу не по трудовому договору с учреждением, а на основании вступившего в законную силу обвинительного приговора суда и норм УИК РФ. На этих же основаниях учреждение системы ФСИН России не может быть работодателем. Ч.3 ст. 129 УИК РФ прямо указывает на то, что труд осужденных регулируется законодательством Российской Федерации о труде, однако с целым рядом определенных изъятий. Исключением из общего правила являются правила приема на работу, увольнения с работы и перевода на другую работу.

На основании ч.1 ст. 103 УИК РФ, каждый осужденный к лишению свободы обязан трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией учреждения системы ФСИН России.

С целью выполнения целей и задач уголовно-исполнительного законодательства РФ,

Устава и своих должностных инструкций ФКУ КП-144, в том числе и начальником ФКУ КП-144 Соболевым, заместителем начальника ФКУ КП-144 Балковым было организовано привлечение осужденных к оплачиваемому труду на объектах вне территории исправительного учреждения.

Правовой основой для привлечения осужденных к оплачиваемому труду на объектах любых организационно-правовых форм, не входящих в уголовно-исполнительную систему, являются положения Закона Российской Федерации от 21.07.1993 №5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» - ч.3 ст.ст. 17 и 21.

Всю трудовую деятельность осужденных, в контексте рассматриваемых обстоятельств дела, а также характер отношений между названными осужденными и администрацией ФКУ КП-144 УФСИН России по Кургановской области не следует рассматривать в рамках гражданско-правовых отношений. Эти отношения регулируются исходя из специфики известных требований Федеральных законов и подзаконных актов, регламентирующих деятельность учреждений системы ФСИН России и ограничивающих права лиц, отбывающих наказание.

И наконец, следует обратить внимание на то, что механизм причинения имущественного ущерба, применительно ко всей группе должностных преступлений, всегда связан с нарушением чьих-то прав и законных интересов. Вполне очевидно, что действиями Соболева ущерб никому причинен не был. Данный вполне очевидный факт указывает как на отсутствие общественной опасности деяния, так и на отсутствие события преступления.

V. Анализ должностной инструкции Соболева (т.3 л.д. 212-219) свидетельствует о предоставлении ему достаточно широких полномочий. Среди таких полномочий следует указать на следующие: заключение договоров и контрактов, в том числе с коммерческими структурами (ч.2 п.144 Инструкции); принятие решений о возможности предоставления осужденным выезда за пределы ФКУ КП-144 (ч.2 п.27 Инструкции); утверждение своей подписью финансовых документов ФКУ КП-144 (ч.2 п.28 Инструкции); обеспечение трудовой занятости осужденных (ч.3 п.83 Инструкции) и пр.

Как можно заметить из перечисленных и иных, по сути, типовых для начальника колонии поселения прав и обязанностей, все они в полной мере позволяли Соболеву не только заключать необходимые договоры с коммерческими структурами по предоставлению на возмездной основе рабочей силы из числа осужденных, но и любыми законными средствами обеспечивать трудовую занятость лиц, отбывающих наказание.

Должностная инструкция Соболева не противоречила и Закону РФ от 21.07.1993 N 5473-I «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», согласно которому начальнику колонии-поселения предоставлялось право на привле-

чение осужденных к труду на объектах любых организационно-правовых форм, не входящих в уголовно-исполнительную систему, расположенных на территории учреждений, исполняющих наказания, и вне их. Это право осуществляется на основании договоров (контрактов), заключаемых руководством учреждений, исполняющих наказания, и организациями (ст. 21).

Соболеву предоставлялось также право принятия решений, касающихся предоставления осужденным возможности выезда за пределы ФКУ КП-144. Указанное право Соболева в полной мере корреспондирует с организационно-правовым режимом и характером возглавляемого им на тот момент Учреждения. В частности, согласно п. «а» ч.1 ст. 129 УИК РФ, условия отбывания наказания в колониях-поселениях заключаются в следующем: осужденные содержатся без охраны, но под надзором администрации колонии, то есть в этих учреждениях отсутствует вооруженная охрана осужденных; в часы от подъема до отбоя осужденные пользуются правом свободного передвижения в пределах колонии-поселения; с **разрешения администрации колонии-поселения осужденные могут передвигаться без надзора вне колонии-поселения**, но в пределах территории соответствующего административно-территориального образования, если это необходимо по характеру выполняемой ими работы или в связи с обучением. Здесь, в контексте режимных требований, важнейшее значение придается передвижению без надзора вне колонии-поселения.

Помимо этого, в соответствии с требованиями гл. 15 приказа Минюста России от 2006 года № 252дсп «Об утверждении Инструкции о надзоре за осужденными в исправительных колониях», в обязанности сотрудников колонии-поселения входит только надзор за осужденными, а не осуществление пропускного режима.

Следовательно, несостоятельным является предъявляемое органом предварительного расследования обвинение Соболеву и в той части, что со стороны последнего якобы имело место нарушение распорядка дня осужденных. Данный пункт обвинения также представляется абсурдным, так как следствие не разъяснило, а в чем именно такое нарушение со стороны Соболева выразилось. Пытаясь встать на позицию названного правоохранительного органа и хоть как-то восполнить этот пробел обвинительного заключения, специалист предположил, единственное что в указанном случае было бы возможным, так это использование труда осужденных на объектах ООО «Стройтекс» в неурочное время. Например, в ночное время, отведенное в распорядке дня на сон. Кроме отмеченного, нарушением прав осужденных было бы лишение последних положенного завтрака, обеда или ужина, также в установленном распорядком дня время. Однако весьма детальное ознакомление с протоколами допроса осужденных, проходящих по делу свидетелями, указывает как раз на иное. Соболевым не было допущено ни одного такого факта. И это касается в том числе тех случаев, когда осужденные использовались для работы на объектах ООО «Стройтекс». Соболев забирал

осужденных для осуществления ремонтно-строительных работ в городе Иваново всегда только после завтрака. Обед им обеспечивался на месте, а к ужину осужденные всегда доставлялись на территорию ФКУ КП-144.

VI. Согласно предъявленному Соболеву обвинению, ему вменяется в вину то, что в результате его действий якобы *были нарушены государственные интересы, повлекшие нарушение конституционного принципа равенства граждан перед законом (ст. 19 Конституции Российской Федерации), принципов уголовно-исполнительного законодательства – законности и равенства осужденных перед законом, выразившиеся в незаконном и необоснованном облегчении условий режима содержания осужденных Румянцева и Широкина, нарушении порядка и условий исполнения и отбывания ими наказаний.*

Данная пространная формулировка органа предварительного расследования, использованная в обвинительном заключении, весьма сомнительна в силу ее абсолютно неконкретизированного характера. Напротив, вполне очевидным является то, что с точки зрения институциональных требований, как уголовно-процессуального законодательства, так и законов формальной логики, основным требованием к официальным процессуальным актам всегда было и остается строгая конкретизация излагаемых в них сведений. Соответственно, сложно понять, а в чем же собственно проявилось *облегчение условий режима содержания осужденных Румянцева и Широкина*? Как это связано с деянием, инкриминируемым Соболеву? Как это связано с нарушением *равенства осужденных перед законом*? В то же время, даже если теоретически предположить, что какие-то незначительные послабления и могли делаться отдельным осужденным, то вряд ли такие действия со стороны администрации исправительных учреждений идут в разрез с фундаментальными принципами уголовно-исполнительного законодательства, касающимися дифференцированного и индивидуального подхода к лицам, отбывающим наказание. Именно поэтому такие действия не только совершенно не допустимо рассматривать как превышение должностных полномочий, а напротив, в зависимости от личности осужденного, желания его трудиться, необходимости социализации в обществе, стремления встать на путь исправления, обязательно должны учитываться и максимально (в рамках установленного организационно-правового режима и в зависимости от типа соответствующего учреждения системы ФСИН России) стимулироваться и поощряться. В противном случае теряется всякий смысл содержания в местах лишения свободы осужденных.

Вместе с тем у следствия нет никаких оснований обвинять начальника ФКУ КП-144 Соболева в нарушении конституционного принципа равенства граждан перед законом, предусмотренного ст. 19 Конституции РФ. Лебедев и Хабибулин, как и остальные осужденные данной колонии, содержались, как и установлено для данного типа Учреждения, без

охраны, но под надзором администрации колонии-поселения. При этом надзор за осужденными, работающими на объекте ООО «Стройтекс» в июне-июле 2015 г., осуществлялся лично Соболевым. Последний не обязан был постоянно находиться с осужденными, работающими на объекте ООО «Стройтекс» в июне-июле 2015 года, так как, в соответствии с положениями п. 199 главы 15 приказа Минюста России от 2006 года № 252дсп, несение службы по надзору за осужденными на территории колонии-поселения и прилегающей к ней местности осуществляется в основном способом патрулирования. Отмеченное указывает на то, что в обязанности администрации колонии-поселения не входит (отсутствует) требование об обязательном нахождении с осужденными на постоянной основе.

Здесь же следует обратить внимание на существенное противоречие, допущенное органом предварительного расследования в своем обвинительном заключении. В частности, с одной стороны, названный орган ратует за соблюдение принципа равенства перед законом применительно к осужденным Румянцеву и Широкину, считая его почему-то нарушенным, а с другой – считает недопустимым, что не все денежные средства, которые якобы были заработаны на ремонте квартиры Ивановой, им были выплачены. Очевидно, если допустить, что данный факт действительно имел место, то как тогда можно в этом случае говорить о принципе равенства, если все без исключения работы, производимые на территории ФКУ КП-144 по Кургановской области, осуществляемые осужденными (включая высокотехнологичные строительные-ремонтные работы), оформляются во всех колониях-поселениях и других учреждениях системы ФСИН России по строго установленным ставкам.

Кроме отмеченного, отсутствие в деянии Соболева признаков инкриминируемого ему преступления вытекает в том числе из анализа других обстоятельств данного дела. Например, изучение положений Устава ФКУ КП-144 УФСИН России по Кургановской области (утвержден приказом ФСИН России от 09.03.2011 № 1444 приложение № 9) прямо указывает на то, что целью деятельности Учреждения *не ставится задача по извлечению прибыли, но оно вправе заниматься приносящей доход деятельностью, способствующей выполнению им своих целей и задач в соответствии с законодательством РФ.*

Очевидно в связи с отмеченным обстоятельством, извлечение прибыли не может рассматриваться в качестве приоритетной и применительно **к цели пребывания осужденного** в Учреждении.

VII. Анализ материалов уголовного дела показал следующее. Помещение, расположенное по адресу: г. Иваново, ул. Футбольная дом 2, кв. 66, принадлежащее гр-ке Ивановой, действительно было отремонтировано силами упомянутых ранее осужденных. Вместе с тем важное значение для оценки обстоятельств дела и, соответственно, квалификации деяния Соболева имеет анализ отдельных положений как Устава ФКУ КП-144 УФСИН России по

Кургановской области, так и Распоряжения ФСИН РФ от 31.10.2009 N 3144-р «О подготовке договоров об оказании услуг по предоставлению рабочей силы»^[1] (вместе с «Методическими рекомендациями по подготовке договоров об оказании услуг по предоставлению рабочей силы из числа осужденных при организации взаимодействия со сторонними партнерами»).

Названные официальные документы не только устанавливают организационно-правовой режим использования труда осужденных ФКУ КП-144 по Кургановской области **за пределами** территории данного Учреждения, но и наделяют соответствующими полномочиями его руководителя (то есть Соболева С.А.) на заключение договоров с различными, в том числе коммерческими предприятиями и организациями, в части оказания услуг по предоставлению рабочей силы на возмездной основе.

В связи с указанным, Соболев вполне законно заключил договор от 04.02.2015 № 6 с ООО «Стройтекс», предметом которого являлось предоставление рабочей силы из числа осужденных на возмездной основе. В соответствии с п 1.1. данного договора ФКУ КП-144 УФСИН России по Кургановской области подбирает и предоставляет из числа осужденных *пять* человек.

В свою очередь, между ООО «Стройтекс» и гражданкой Ивановой был также заключен договор подряда, в соответствии с которым осужденные доставлялись по адресу: г. Курган, ул. Футбольная, дом 122, кв. 66. При этом следует обратить внимание на содержание этого договора, согласно которому названная квартира (до окончания ремонтных работ) являлась объектом работы ООО «Теплотекс».

Подбор и трудоустройство осужденных на ООО «Теплотекс» осуществлял заместитель начальника ФКУ КП-144 Балков, на которого в должностной инструкции возложена эта обязанность. Именно Балков, в соответствии со своей должностной инструкцией, лично осуществлял подбор осужденных для работы на ООО «Стройтекс» в конце мая – начале июня 2015 года, готовил рапорт и приказ о трудоустройстве осужденных, регистрировал его в канцелярии учреждения. Именно Балков готовил разнарядки на вывод осужденных на работу, в том числе на объект ООО «Теплотекс». Кого из осужденных персонально он указывал в разнарядке, тех осужденных и доставляли на объект ООО «Теплотекс».

Как пояснил в своих показаниях Балков, он лично принимал решение об уничтожении разнарядок, для этого указания начальника колонии ему не требовались. Разнарядки уничтожались ежемесячно и в 2014 году, то есть еще до назначения на должность начальника ФКУ КП-144 Соболева С.А. Объяснил это Балков Р.А. тем, что срок хранения этих документов не регламентирован.

В июле 2015 г, Учреждением подобраны и предоставлены в ООО «Стройтекс» осужденные Румянцев и Широкин¹, которые приказом ФКУ КП-144 УФСИН России от 2.06. 2015 № 47-ос были зачислены на должности подсобных рабочих ООО «Стройтекс» с окладом 5965 руб. в мес. Указанные рабочие доставлялись к месту работы в г. Иваново на объект «Стройтекс» и обратно.

Как следует из материалов дела, гражданка Иванова Н.Н. деньги за указанную работу в размере 10005 рублей передала лично Главному инженеру ООО «Теплотекс» Брокову, который, в свою очередь, эти деньги передал в кассу «Теплотекс», где они были оприходованы.

Необходимо отметить, что в июне-июле 2015 г. в результате работы осужденных на указанном объекте ООО «Стройтекс» по договору № 6 от 04.02.2015 учреждение ФКУ КП-144 получило чистую прибыль в размере 6477,65 рублей. Данный факт подтверждается справкой главного бухгалтера ФКУ КП-144 капитана внутренней службы Чушкиной от 25.11.2015.

В связи с указанным следует резюмировать, что использование осужденных для осуществления ремонтных работ на стороннем объекте полностью соответствует действующему законодательству РФ и является обычной практикой в колониях-поселениях. Следовательно, обвинение Соболева в том, что указанные действия *«могут быть совершены только при наличии особых обстоятельств, указанных в законе или подзаконном акте»* следует признать также необоснованным. Далее, если следовать логике органа предварительного расследования, то администрации колоний-поселений в целом по стране вообще запрещается вывозить осужденных на работу за пределы соответствующих учреждений. *Вместе с тем, как следует из ч. 1 ст. 103 УИК РФ, «Осужденные привлекаются к труду... в организациях иных организационно-правовых форм, расположенных на территориях исправительных учреждений и (или) вне их при условии обеспечения надлежащей охраны и изоляции осужденных».*

VIII. Обвинение Соболева всецело строится на формальных критериях его мнимой вины, что совершенно не приемлемо, как уже отмечено ранее, с точки зрения материальной конструкции состава ч.1 ст. 286 УК РФ (Превышение должностных полномочий). Как следует из обвинительного заключения, Соболев: 1) *обязан был руководствоваться требованиями УФСИН, изложенными в письмах от 19.10.2011 № 38/ТО/2/6-7836 и от 07.06.2010 № 38/1/2/6 – 4147;* 2) *нарушил требования должностной инструкции начальника ФКУ КП-144, что повлекло невыполнение требований документов, указаний УФСИН России по Курган-*

¹ 14.07.2015 осужденный Широкин был уволен с должности подсобного рабочего в связи с окончанием срока отбывания наказания (приказ Учреждения №75–ос от 21.07.2015), а Румянцев уволен 21.07 в связи с уменьшением объема работ (Приказ Учреждения №78-ос).

ской области, в частности, изложенных в письмах от 19.10.2011 № 38/ТО/2/6-7836 и от 07.06.2010 № 38/1/2/6 – 4147.

К сожалению, приведенные пункты обвинения органом предварительного расследования ничем не обоснованы и голословны. Данное суждение специалиста основывается на целом ряде проанализированных обстоятельств дела, в частности:

1) Отсутствие в должностных инструкциях начальника ФКУ КП-144 Соболева обязанности по:

- подбору и расстановке осужденных по объектам работ, составление разрядок. Это обязанности его заместителя Балкова, который этим и занимался.

- внесению изменений в план надзора временного (кратковременного) производственного объекта. Это обязанности его заместителя Скипчина, который, в соответствии с п. 144 гл. 11 приказа Минюста России от 2006 года № 252дсп, обязан был внести изменения в план кратковременного производственного объекта ООО «Теплотекс» на 2015 год;

- исполнению писем, телеграмм, указаний и иной служебной переписки УФСИН России по Кургановской области с подведомственными учреждениями.

2) Указанные письма и телеграммы не являются нормативными правовыми актами, обязательными к исполнению, а относятся к служебной переписке¹.

В деятельности учреждений и органов УИС создается комплекс организационно-распорядительных документов: приказы, распоряжения, положения, правила, инструкции, решения коллегии территориального органа ФСИН России, протоколы заседаний (совещаний), акты, аналитические справки, докладные и служебные записки, договоры (контракты, соглашения), деловая (служебная) переписка и др. (п. 34 Инструкции).

3) Оформление распорядительных и индивидуальных предписаний в виде писем и телеграмм не допускается – (п.39 гл.4.2 Инструкции).

4) Соболев не был ознакомлен с указанными письмами и телеграммами. Об этом свидетельствует отсутствие в материалах уголовного дела листов ознакомления с соответствующими документами (Приложение № 15 - п. 1144 гл.5.4 Инструкции).

Соответствующая переписка (телеграммы и письма) датированы 07.06.2010 и 19.10.2011, то есть за несколько лет до того, как Соболев был переведен на работу в УФСИН России по Кургановской области (июль 2014 года).

IX. Материалы уголовного дела содержат значительный объем данных, свидетельствующих о том, что в отношении начальника ФКУ КП-144 УФСИН России по Курганской

¹ Гл.4.8. Служебная переписка. Инструкции по делопроизводству в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы (утв. приказом Федеральной службы исполнения наказаний от 10 августа 2011 г. № 463) – далее Инструкция.

области Соболева правоохрательными органами проводились оперативно-разыскные мероприятия. Указанные документы фигурируют в деле в качестве доказательств его якобы противоправной деятельности. Однако ознакомление с содержанием оптических дисков и записями на них ничего не доказывает, поскольку это все формальные внешние, лежащие на поверхности обстоятельства. Они указывают лишь на то, что Соболев время от времени лично доставлял упомянутых ранее осужденных на один из объектов, где по договору подряда с ООО «Стройтекс» последние должны были производить ремонтные работы.

Помимо того, что результаты проведенных в отношении Соболева оперативно-разыскные мероприятия явно не имеют никакого доказательственного значения о его якобы противоправной деятельности, следует также обратить внимание и на другие обстоятельства. В частности, как представляется специалисту, вряд ли оправданно в данном случае столь расточительное использование весьма дорогостоящих сил и средств оперативных подразделений правоохрательных органов.

Х. Следователь Курганского межрайонного следственного отдела следственного управления СК РФ по Курганской области майор юстиции Кедоров в своем постановлении от 9.12.2015 о возбуждении перед судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу (Избрание данной меры отказано т.2 л.д. 189) указывает, что гражданин Соболев обвиняется в тяжком преступлении (т.2 л.д. 186-187). Данный факт вызывает недоумение, поскольку указанному должностному лицу органа предварительного расследования должно быть хорошо известно, что, согласно ст. 15 УК РФ (Категории преступлений), инкриминируемое Соболеву деяние относится к числу преступлений средней тяжести. Следовательно, совершенно непонятна не только указанная преднамеренная ошибка следователя, но и стремление к явно избыточному применению уголовных репрессий в отношении своего подследственного.

XI. Как показывает анализ ряда протоколов допроса осужденных Хабибулина (т.2 л.д. 3-7) и Лебедева (т.2 л.д. 19), по большинству наиболее значимых вопросов допрос был проведен с нарушением требований норм УПК РФ. В частности, речь идет о том, что допрашиваемым не только задавались вопросы, относящиеся к числу наводящих, но и еще до допроса проводилась «обработка» осужденных. Отмеченное касается вопросов оплаты и стоимости работ за ремонт квартиры. Далее специалистом приводятся выдержки из протоколов допроса названных лиц, полностью, как по одной матрице, совпадающие по своему содержанию:

- *«...при этом, хочу пояснить, что уже в ходе проверки по факту действий Соболева я достоверно узнал от сотрудников полиции, что меня использовали для ремонта частной квартиры без соответствующей оплаты».*

- «...считаю, что должностные лица из сотрудников ФСИН России воспользовались своими должностными полномочиями и заставили нас работать в их личных интересах, так как мы являлись на тот момент заключенными.

- «...за время отбывания наказания я хорошо усвоил, что нельзя возражать и отказывать сотрудникам администрации КП-144, так как это может повлечь неоднократное привлечение меня к дисциплинарной ответственности, даже водворение в ШИЗО, но по незначительным или надуманным поводам и возможное признание злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания, что вообще лишило бы меня права на амнистию».

- «...гражданский иск в настоящий момент заявлять не желаю. Считаю, что должностные лица из сотрудников ФСИН России воспользовались своими должностными полномочиями и заставили нас работать в их личных интересах, так как мы являлись на тот момент заключенными.

- «...вопрос о привлечении к уголовной ответственности Соболева оставляю на усмотрение суда, с учетом его позиции по признанию допущенных им нарушений».

Приведенные выдержки из протоколов допросов Лебедева и Хабибулина совершенно идентичны. Их содержание свидетельствует о попытке органа предварительного расследования придать заведомо криминальный характер действиям Соболева и таким «искусственным» образом повлиять на правовую оценку его деяния.

ХII. При безусловных правовых ценностях, на которых базируется российское правосудие, таких как неукоснительное соблюдение важнейших конституционных принципов, нет сомнений в том, что суд под данному уголовному делу примет в полной мере обоснованное решение. В то же время, как представляется специалисту, такое решение будет иметь еще и уголовно-политическое значение. В частности речь идет о том, что теоретически возможная ошибка со стороны суда, выраженная в согласии с выводами органами предварительного расследования о признании Соболева виновным в совершении инкриминируемого ему преступления, способна породить опаснейший прецедент. В частности, может быть парализована работа исполнительных учреждений системы ФСИН России, так как начальники этих учреждений «на всякий случай» будут просто отказываться от использования труда осужденных.

ВЫВОДЫ:

1. Квалификация, представленная органом предварительного расследования по уголовному делу, является неверной.

2. При расследовании данного уголовного дела предписания норм уголовно-процессуального законодательства органом предварительного расследования соблюдены не в полном объеме.

3. Признать отвечающими требованиям допустимости, относимости и достаточности доказательства виновности Соболева, представленные органом предварительного расследования суду, нельзя.

4. В деянии Соболева признаки преступления, ответственность за которое предусмотрена ч. 1 ст. 286 УК РФ, отсутствуют.